

рождая монстров, подобных Жилю де Ре или Авелю Тиффожу, однако вовлеченность в общественные преступления всегда заканчивается индивидуальной ответственностью. Мишелю Турнье абсолютно чужда однозначная и стереотипная трактовка этих категорий. В обоих романах они то вступают в своеобразный диалог, то вовлекаются в игру, то переосмысляются под воздействием эффекта кривого зеркала и инверсии.

Мысль об отсутствии четкого разграничения между добром и злом, лицом и изнанкой, равно как идея взаимодополняемости прекрасного и уродливого, бога и дьявола по принципу тезиса и антитезиса, служат теми параллелями, которые связывают оба романа в одном концептуальном автоинтертексте. Литература, философия, история и миф служат для М. Турнье многоэтажным зданием, в котором степень абстракции возрастает сообразно подъему на каждый новый этаж таким образом, что на последнем этаже сосредоточена метафизика, а на первом – личная история. На основе детальнейшей проработки сюжетно-образной составляющей каждого из двух романов Турнье показывает, как в Истории и жизни отдельного человека обнаруживаются мифологические элементы и как История и человеческая жизнь становятся мифом.

Библиографический список

1. Genette, G. *Palimpsestes: la littérature au second degré* / G. Genette. – Paris: Le Seuil, 1982. – 468 p.

1. Фатеева, Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. – М.: Агар, 2000. – 280 с.

Джумайло Ольга Анатольевна

*докт. филол. наук, доцент (Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия)
dzhumaylo@sfnedu.ru*

СПИСОК В ПОЭТИКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В статье рассматриваются категория списка как компонента поэтики текста с точки зрения его формы и художественной функции.

Ключевые слова: *список в художественном тексте, функция, поэтика.*

Изучение списков в художественной литературе – сравнительно узкая часть академических исследований. Помимо увлекательной книги-конструктора о списках «Vertigo» Умберто Эко [2], в которой историк культуры предлагает и свое видение смысла списков в культуре, и сами тексты как семиотические «машины для сборки», можно отметить лишь несколько монографий [3, 4]. Интерес к спискам со стороны исследователей античности и средневековья разрушает наивное представление о том, что списки – примета нашего времени и часть ментальной оснастки современного автора и героя.

Разумеется, включение в повествование списка или длинного перечислительного ряда – это не только формальный и стилистический изыск, но и указание на смысловой каркас текста и авторскую аксиологию. Членимость мира на значимые ценности, эмблемой которого выступает список, при выполнении культурно-исторических правил сочетаемости и последовательности может означать гармонию, упорядоченность и устойчивость провозглашаемого мира или,

напротив, его косность, автоматизм и отсутствие в нем творческого начала. Та же перечневая членимость мира при невыполнении принятых в культуре правил сочетаемости и последовательности, рождает мир абсурдный и неустойчивый, но, возможно, живой и деавтоматизированный, творческий и нетривиальный. При этом манифестация ценности (и ценностей) в списке и самой логикой списка, как правило, провоцирует поиск реляций с другими формальными и смысловыми опорами текста.

Перечисления могут быть маркером «достоверности» рассказа, практической сметки персонажа, путеводителем по его ценностям. В первом современном английском романе, «Робинзоне Крузо» Даниэля Дефо, всем известный герой составляет перечни, делающие этот текст похожим на «инструкцию по выживанию». Но важна и приоритетность в списке, свидетельствующая об этосе эпохи и homo oeconomicus: с корабля предприимчивый Робинзон выносит все самое ценное. В длинном каталоге вещей есть и ружья, и плотничьи инструменты, и несколько компасов, карт, книг по навигации. Только позже и отдельно говорится о трех Библиях в хороших переплетах, собаке и двух кошках, практическую бесполезность которых герой также комментирует. Даже добро и зло в размышлениях Робинзона заносятся в два столбца как дебет и кредит. Подобным образом герой романа Диккенса «Домби и сын», находясь у постели умирающей супруги, будто составляет коммерческий реестр преимуществ брака с ним с завершающим резюме о ее безоговорочном счастье. Список здесь красноречиво замещает отсутствие диалога.

В романе Ф. С. Фицджеральда, распорядок дня Гэтсби это и отсылка к системе самодисциплины, о которой великий американский просветитель Бенджамин Франклин писал в своей автобиографии, полной разнообразных списков, и напоминание о жанровой формуле особенно популярных в Америке книг по саморазвитию (self-help books). Подробные перечни и списки можно найти и в американском романе «Поправки» Джонатана Франзена. Каждая вещь в этих списках подобна обломку никогда не существовавшей «идеальной семьи»: это и демонстрация их недостатка, и коллекция сокровенных воспоминаний, и ностальгическое напоминание о былых мечтах.

Грандиозные списки вещей, ненужных подарков, милых безделиц, личных предметов, смысл которых понятен только их владельцам, могут говорить о самом разном – об отчаянии и о желании поставить заслон между собой и миром, о воспоминаниях и социальных амбициях, о причудах воображения и скудной мебелировке интеллекта. Нередко списки могут стать спасительным «якорем» для персонажа, переживающего экзистенциальный кризис, они будто провозглашают его бытие и ничто, пронзительно «кричат» об одиночестве, но позволяют конструировать нечто условно устойчивое из банальных вещей, как из детских кубиков. Разнообразные списки составляет герой романа популярного норвежского писателя Эрленда Лу «Наивно. Супер». Кажется, что роман наполовину состоит из разных перечней – в них нередко мелькает детская игрушка – доска-колотилка фирмы «Брио», которая помогает герою чувствовать радость простого удара и гарантированного восторга результативности.

Литераторы лишь «моделируют» порядок списка, нередко намеренно его профанируя. Они провоцируют удивление и сомнение читателей относительно безошибочности привычных правил, дискредитируя как логичность мира, так и логичность самой логики, человеческого рацио, способности «членить» мир

на перечни и списки. Кто может устоять перед романтической иронией списков «Моби Дика» Германа Мелвилла и поэтических списков всего сущего Уолта Уитмена? Это может быть и перечень всего, что лежит в ящике кухонного стола героя «Улисса» Леопольда Блума или на письменном столе Слотропа, героя «Радуги земного притяжения» Томаса Пинчона. Потенциально бесконечные и изменчивые перечни, разрушающие всякую смысловую иерархию, превращают список в поэтический перформанс.

«[...] Я пишу стихи потому, что ум мой противоречит себе – вот он в Нью-Йорке, через минуту – в Динарских Альпах.

Я пишу стихи потому, что в моей голове 10 000 мыслей.

Я пишу стихи потому, что нет ни «потому», ни «почему»

Я пишу стихи потому, что они лучший способ высказать все на свете за 6 минут жизни». [1].

Пожалуй, самые изощренные и неинтеллигидельные списки породил авангард века XX и литература постмодернизма, предлагающая самые неожиданные синестетические ассоциации, звуковые или пространственные конъюнкции и дизъюнкции. Подобно нотам в партитурах возникают коллекции «ароматов» и «зловоний» в сознании Гренуя, героя романа Патрика Зюскинда «Парфюмер». Невероятно сложные списки и разного рода интермедийные включения, организованные как списки-коллекции, можно найти в романе В. Г. Зебальда «Аустерлиц», главный герой которого историк архитектуры, живое воплощение «постпамяти», руинированного сознания. Но роман оказывается больше, чем исповедью неукорененного героя – вся послевоенная Европа предстает метафорическими руинами цивилизационных смыслов, из которых невозможно ни воссоздать целое, ни даже вспомнить его.

Сегодня список как привычный инструмент и риторическая стратегия ассоциируется у многих с «хорошо упакованной», краткой и структурированной информацией, практичной и потребляемой быстро. Но отмеченная нами двоякость манифестируемой функции списка, учреждающей порядка ценностей и провоцирующей сомнения в них, как никогда актуальна и в случае использования литераторами списков как чартов. В остроумном романе Джулиана Барнса «Англия. Англия» есть несколько пронумерованных списков, указывающих на понимание культурного наследия в духе «товарного фетишизма». По сюжету книги на острове Уайт группа пиарщиков создает тематический парк, но перед этим проводит опрос иностранцев, позволяющий выяснить наиболее распространенные культурные стереотипы об Англии, которые вызовут восторг узнавания у плохо образованных туристов. Сатирическая стилизация под популярные медийные «10 ..., которые стоит ...» с фиксацией на «лучшем предложении», сочетается у Барнса с горькой критикой редукционизма знания и триумфа ризомы, постмодернистского «все идет». Список из 50 наиванглийского напоминает инвентарные описи товаров. В списки попали: Королевская семья. Биг Бен. Футбольный клуб «Манчестер Юнайтед». Снобизм. Шекспир. Чай / Чай со сливками. Пудинг. Оксфорд / Кэмбридж. «Хэрродз». Порка. «Алиса в Стране Чудес». Пиво / Теплое пиво. Пессимизм / Нытье. Лицемерие. Садоводство. Ненадежность / «Коварный Альбион» и др. Этот список – также каркас будущего бизнес-плана с перспективными инвестициями в «национальную идентичность» при условии ее превращения в спектакль на основе коллективных «фантазмов». Можно вспомнить о «воображаемых со-

обществах» Гирца, «коллекциях» Бодрийяра, «диспозитиве» Делеза, об эмоциях и обществе спектакля, эхокамере, репликах и симулякрах, конструируемом нарративе памяти, каннибализации культурного наследия и т. д. и т. п. К слову, писатель-интеллектуал когда-то работал в оксфордском издательстве словарей. Словари – это тоже список дефиниций.

Список представляет интригующую задачу для литературоведа. Непредсказуемость интерпретации, иногда восхитительная свобода отказа от нее в авангардном искусстве, изобретательность и вербальная виртуозность, превращение списка в коллекцию «кунсткамеры» провоцирует вопросы. Стремится ли список к всеобъемлющему, энциклопедическому охвату или, скорее, к выборочности и исключению? Упорядочивает ли список набор данных или, напротив, делает его прерывистым и фрагментированным? В чем разница списка и каталога, описи, реестра, архива, коллекции, ассамбляжа, нонселекции, предписания, инструкции, рейтинга, опции «все включено», постмодернистского «все идет» и т. д.? Важна ли длина списка? Есть ли какой-то принцип в перечислении? Список завершен или потенциально бесконечен? Среди писателей настойчивей всего задавал эти вопросы о списках и их правилах Хорхе Луис Борхес, констатируя в «Алефе»: *«неразрешима главная проблема – перечисление, пусть неполное, бесконечного множества»*.

Библиографический список

1. Гинзберг, А. Пекинская импровизация / А. Гинзберг // Иностранная литература. – 1996. – № 2. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/1996/2/iz-novoj-knigi-stihov-prizvyvy-grazhdanina-mira.html> (дата обращения: 1.08. 2025).

2. Эко, У. Vertigo: круговорот образов, понятий, предметов / У. Эко. – М.: СЛОВО / SLOVO, 2019. – 408 с.

3. Belknap, R. The list: the uses and pleasures of cataloguing / R. Belknap. – New Haven & London: Yale University press, 2004. – 232 p.

4. Lists and Catalogues in Ancient Literature and Beyond. Towards a Poetics of Enumeration. Edited by Rebecca Laemmle, Cédric Scheidegger Laemmle and Katharina Wesselmann. – Berlin: Walter de Gruyter, 2021. – 438 p.

Драгоев Илья Юрьевич

ассистент (Московский педагогический государственный университет,
г. Москва, Россия)

i.dragoeff2015@yandex.ru

МЕТАДИАЛОГ В «ЧЕЛОВЕКЕ В ВЫСОКОМ ЗАМКЕ»

ФИЛИПА К. ДИКА

Данная статья посвящена теме выстраивания метадialogа между автором, читателем и концепцией судьбы в романе «Человек в Высоком Замке» американского автора Филипа Киндред Дика.

Ключевые слова: альтернативная история; метадialog; метанарратив.

Метанарратив может быть осмыслен через определение металитературы, как категории текста, которая делает особый акцент на своём существовании в форме текста взаимосвязанного с реальным миром. Данный акцент, в свою очередь, служит в качестве основы для сомнения в четких границах между литературным произведением и «реальностью», в которой оно существует [2, с. 62].